

Танки
Мюррей Лейнстер

Аннотация
Мюррей Лейнстер. Танки
Мюррей Лейнстер. Танки

Аннотация

Фронт американской армии был прорван на ширину в две мили. И лишь от двух забытых пехотинцев, заблудившихся в тумане, зависел исход войны 1932 года.

Мюррей Лейнстер
Танки

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

© Мюррей Лейнстер, 2025

* * *

Мюррей Лейнстер
Танки

…Решающее сражение Войны 1932 года было первым, в котором фактически отказались от использования пехоты…

— «История США, 1920–1945 гг.» (Грегг-Хёрли)

Стойкий маслянистый запах смог-газа был везде, даже внутри тесного бункера. Снаружи весь мир был скрыт густым серым туманом, который легкий ветерок медленно катил по земле. Звуки, доносившиеся сквозь завесу тумана, казались приглушенными — смог-газ заглушает все звуки, — но откуда-то слева доносилась артиллерийская канонада, и можно было различить тот характерный дробный стук, которые свидетельствовали о том, что в бой пошли танки. Справа слышался далекий стрекот пулеметной очереди. В промежутке между ними стояла полная, торжественная тишина.

Сержант Коффи развалился в кресле стрелка и говорил по полевому телефону, а грязь стекала с его одежды на пол. Вид он имел самый позор-

ный и потрепанный. Капрал Уоллис, такой же грязный и еще более позорный и потрепанный, старательно изготовлял одну целую сигарету из четырёх помятых окурков. Оба были стрелками-пехотинцами. Ни тот, ни другой не имели никакого права или причины сидеть в конкретно этом пулеметном бункере. Тот факт, что весь пулеметный расчет был мертв, казалось, не имел большого значения для штаба сектора на другом конце провода, судя по тем вопросам, которые приходили из штаба.

— Говорю вам, — цедил слова сержант Коффи, — они убиты… Ага, все мертвы. Всё так же мертвы, как и тогда, когда я говорил вам в первый раз, может даже еще мертвее… Ну конечно же газ! Я не знаю какого типа… Да, на них были одеты газовые маски.

Он ждал, задумчиво глядя на то, как капрал Уоллис возится со своей сигаретой. Сигарета выглядела внушительно. Капрал Уоллис нежно поглаживал её. Сержант Коффи зажал трубку ладонью, и выразительно посмотрел на своего товарища.

— Дай-ка мне затянуться, Пит, — попросил он. — А я дам тебе несколько окурков через минутку.

Капрал Уоллис кивнул и с неподражаемым артистизмом начал раскуривать сигарету. Он затянулся с той осторожностью, которую приобретает человек, имеющий некоторый запас табаку, но не рассчитывающий пополнить его в ближайшем будущем, и неохотно протянул сигарету сержанту.

В предвкушении сержант Коффи выдохнул весь воздух из своих легких, зажал губами сигарету. Кончик её ярко загорелся, когда сержант потянул воздух сквозь неё. Он светился всё ярче и ярче, стал уже почти белым, и бумага потрескивала от огня, ползущего по ней.

— Эй! — запротестовал Уоллис.

Сержант отмахнулся от него, его грудь расширилась так, что затрещала форма. Когда его легкие уже не могли вместить в себя новую порцию воздуха, он задержал дыхание, грациозно вернул капралу сигаретку, от которой осталась едва ли четверть, и долго выпускал из себя дым маленькой струйкой до тех пор, пока не начал задыхаться.

— Когда у тебя мало времени, — умиротворённо изрёк сержант Коффи, — приходится курить в одну затяжку.

Капрал Уоллис с печальным видом смотрел на

остатки своей самокрутки.

— Чёрт! — мрачно пробормотал он, и докурил то что осталось от сигареты.

— Да! — внезапно крикнул в телефонную трубку сержант. — Я еще тут, а эти по-прежнему мертвы… Послушайте, мистер офицер, у меня «фонарь» под глазом, и всё тело всмятку. А еще мой противогаз уже протух. Я позвонил вам в качестве мелкой услуги. И я собираюсь убраться отсюда подальше… Да твою же мать!.. Во всей армии, что, больше не осталось людей?! — он замолчал, и негодование погасло в его широко раскрывшихся от изумления глазах. — Да… Да… Ага… Я понял. Дерьмо! Ладно, посмотрим, что я могу сделать. Ага… Хочется верить, что вы оплатите мою страховку. Ладно, конец связи.

Он повесил трубку и с похоронным выражением на лице повернулся к капралу Уоллису.

— Придется нам стать героями, — горько объявил он. — Посидим здесь, в этом вонючем тумане, и подождем, пока появится танк и перемешает нас с землёй. Мы — единственная позиция на две мили фронта, с которой есть связь. Этот ихний новый газ уничтожил все остальные без доклада.

Он изучающе осмотрел скрюченные фигуры

первоначальных обитателей этого бункера. На них была такая же форма, как и на нём, и когда он снял с одного из них противогаз, то обнаружил, что лицо мертвого солдата имело выражение странной умиротворенности.

— Адская война, — произнес сержант. — Наш отряд уничтожили с вертолёта. Я уже неделю не видел солнца, и у меня осталось только четыре чинарика. Это еще повезло, что я додумался не выкидывать их.

Он тщательно порылся в карманах мертвеца.

— Да у этого парня полмешка табаку! А знаешь, зуб даю, что засранец на том конце провода — это Мэдисон. Перевелся из нашего взвода пару месяцев назад. Они посадили его на телефон чтобы он подтвердил, что я тот, за кого себя выдаю. Он опознал меня по голосу.

Капрал Уоллис, сделав последнюю затяжку, затушил самокрутку и спрятал окурок в карман куртки.

— Что нам надо делать? — спросил он, наблюдая за тем, как сержант Коффи скрупулёзно делит трофейный табачок на две идеально равные части.

— Ничего, — ответил Коффи, — только выяснить, каким образом прикончили это подразделе-

ние, ну и всё в таком роде. Половину фронтовых позиций смяли в труху, с самолетов ни хрена не видно, потому что, ясен пень, никому не охота нырять в этот смог-газ чтобы посмотреть поближе. Он почти ничего не сообщил, сказал только: «ради Бога, выясните хоть что-нибудь!»

Капрал Уоллис некоторое время торжествующе взирал на свою четверть пакета табака, потом заботливо припрятал его.

— Пехоте всегда достается самая грязная работёнка, — мрачно заметил он. — Ну а я собираюсь скрутить себе целую сигаретину, как довоенная будет, и я выкурю её. Незамедлительно.

— Черт тебя дери, — пробормотал Коффи.

По привычке осмотрев свой противогаз перед тем, как выйти из убежища, он с презрением отбросил его в сторону.

— Про-ти-во-газ, мать твою! А ни черта не работает. Пошли.

Капрал последовал за ним прочь из маленького конического бункера.

Серая мгла смог-газа окутала всё вокруг. Дул легкий ветерок, но мгла была настолько плотной, что он не мог её развеять. До ближайших газогенераторов было слишком далеко, чтобы можно было увидеть её полосатую структуру. Газоге-

нераторы, исчисляемые сотнями и тысячами, размещались в пятнадцати милях к северу, Служба постановки дымовых завес запускала их один за другим, и невероятные массы жирного серого пара длинными нитями текли по ветру, сливаясь затем в сплошную пелену непроглядного смога, в котором тонули все потуги последней войны, — войны за спасение мировой демократии.

Здесь, в пятнадцати милях от генераторов, с подветренной стороны, человек мог ясно видеть в круге диаметром лишь около пяти футов. За пределами этого круга контуры предметов начинали расплываться. В десяти футах все очертания объектов теряли свою форму и были едва видимы. В пятнадцати футах видимость исчезала, всё тонуло в туманной мгле.

— Осмотрись вокруг, — хмуро велел сержант. — Может, найдем снаряд, или танковый след, или что-нибудь другое, о чего померли наши парни.

Это прозвучало забавно — искать что-то в непроглядной завесе тумана. Уже на расстоянии трех ярдов они едва могли различить друг друга. Но они не осознавали иронии этой ситуации. Потому что война, которую политики уже окрестили Последней Войной, с первого дня шла в тумане. Пехота не могла выстоять против танков,

танки не могли противостоять корректируемому с воздуха артиллерийскому огню, но ни артиллерия, ни авиация не могли обеспечить захват территории. Генеральные штабы обоих воюющих сторон, Соединенных Штатов и противостоящей страны — назовем её, скажем, Жёлтой Империей — в ходе войны пришли к одному и тому же выводу. Танки и пехота были необходимы чтобы одержать победу. Пехота могла быть уничтожена танками. А танки могли быть укрыты от воздушных наблюдателей с помощью дымовых завес.

В результате появился смог-газ, который очень эффективно применялся обеими сторонами в то время, когда сержант Коффи и капрал Уоллис, чье подразделение было уничтожено, бесцельно брели примерно в направлении американского тыла, пока не наткнулись на американский бункер с мертвым гарнизоном внутри. Туман покрывал окрестности миль на сорок в одном направлении, и, возможно, миль на тридцать в другом. Ветер, само собой, перемещал его, но туман был значительно тяжелее воздуха и стлался у самой поверхности, а промышленники обеих враждующих наций напрягали все силы, чтобы в достатке снабжать свои армии этим средством

защиты.

Толщина подушки смога в любом месте была не менее ста футов. Она представляла собой облако неосязаемых частиц, непроницаемое для человеческого глаза или любого оптического прибора. И под этой бледной пеленой абсолютной непрозрачности медленно ползли танки. Грохоча и раскачиваясь, шли они на свое смертоносное задание, неистовые разрушители; по звуку выискивали друг друга во мгле с помощью мириады специальных устройств, натыкались друг на друга, сцепляясь в отчаянных схватках на близкой дистанции, или выпускали облака смертоносного газа, от которого не спасали противогазы, когда обнаруживали пехоту противника.

Пехотинцы, однако, использовались лишь в небольшом количестве. Их главной задачей было сообщать о появлении и перемещении таковых соединений, и траншеи им больше не были нужны. Пехотинцы размещались на маленьких невооруженных постах акустической разведки, или «прослушки», оборудованных полевыми телефонами, радиопередатчиками или сиренами, чтобы они могли доложить о появлении противника прежде чем будут уничтожены. Их прикрывали небольшие бункеры, вооруженные

противотанковыми орудиями, с помощью которых бойцам иногда — очень редко — удавалось послать снаряд в цель, ориентируясь в основном по звуку, прежде чем танк перемешивал с землёй пушку и её расчет.

В непроглядной мгле, в которой сейчас бродили сержант Коффи и капрал Уоллис, было две линии прослушки, каждая из которых состояла из глубоко разветвленной системы бесчисленных постов, на каждом их которых находилось два или три человека. Сообщения с постов убеждали командование в том, что ни один вражеский танк не пересек некую условную линию, разделяющую обе армии. Американские танки, постоянно посылая опознавательные сигналы, рыскали между постами в поисках прорвавшегося врага. Неприятельские танки вели такое же патрулирование на своей стороне.

Но внезапно на американском участке фронта в две мили шириной замолчали все посты первой линии. Сотни телефонов перестали присылать доклады о перемещениях противника. Пока Коффи и Уоллис бродили вокруг маленького бункера, пытаясь выяснить, каким образом были умерщвлены его обитатели, начала пропадать связь с постами второй линии.

То один, то другой пост внезапно прекращал отвечать. Полдюжины из них вели переговоры со штабами своих секторов, когда связь прервалась на полуслове. Провода остались неповрежденными.

В течении следующих пятнадцати жутких минут еще сто постов перестали принимать и отправлять сигналы. Генеральный Штаб в жёстких выражениях потребовал объяснения происходящему, поскольку ситуация складывалась очень серьёзная. И, когда командующий штабом сектора второй линии принялся с пылом объяснять, что он делает всё возможное, он вдруг замолчал на полуслове, и, таким образом, связь со штабом также была потеряна.

Штаб сектора фронта, казалось, смог избежать участи, постигшей все его посты, но оттуда смогли сообщить только то, что посты не смогли предупредить о том, что конкретно привело к их уничтожению. Американские танки, патрулирующие внезапно вымершую зону, сообщали, что не наблюдают вражеских танков. Танк G-81, подошедший к одному из постов меньше чем через десять минут после того, как тот замолчал, получил приказ выяснить что произошло. Один из членов экипажа, надев противогаз, открыл

внешнюю дверь. Сразу же после этого передачи с G-81 прекратились.

Всё происходящее было четко видно в Генштабе, который помещался в огромном, специально построенном для этой цели танке. Он был длиной в семьдесят футов, и лежал, укрытый вечным туманом, окруженный группой других, меньших танков, от каждого из которых кабели вели к телефонам и приборам стального монстра. Дальше в тумане, разумеется, были и другие танки, сотни танков, настоящих боевых машин, сейчас тихих и неподвижных, но в любой момент готовых защитить мозговой центр всей армии.

Внутри штабного танка на ситуационной карте в мельчайших деталях открывалась панорама всей битвы. Карта лежала на огромном столе, залитая безжалостно ярким белым светом. Всё поле боя помещалось на ней. По её поверхности туда-сюда ползали крохотные искорки, а сотни булавок с разноцветными головками отмечали положения различных объектов. Ползущие искорки отмечали позиции американских танков, и были похожи на отметки движущихся поездов на специальных картах железнодорожных диспетчеров. Крохотные лампочки под картой, зажигаясь одна за другой, отмечали продвиже-

ние танков.

Генерал задумчиво следил за тем, как по карте ползут искорки, как зажигаются и гаснут разноцветные огоньки, как механическая рука опускается на карту и перемещает маленькие булавки. Генерал почти не двигался и не разговаривал. Он имел вид человека, полностью поглощенного этой игрой, похожей на шахматную партию, — игрой, ставкой в которой была судьба нации.

Он видел ситуация во всех деталях: ползущие белые точечки показывали его собственные танки там, где они находились в данный момент. Загорающиеся голубые огоньки отмечали координаты, в которых последний раз были обнаружены танки врага. За спиной генерала стояли два штаб-офицера, которые в пристегнутые к мундирам телефонные трубки отдавали рутинные приказы, направляя ближайшие американские патрульные танки в те районы, где был замечен противник.

Внезапно генерал вытянул руку и указал своими тонкими, длинными пальцами художника одно место на карте.

— Они уничтожили наши аванпосты в этой области. Вторжение на участке шириной в две

мили, — задумчиво произнес он. Слово «аванпост» использовалось в стародавние времена, когда генерал еще был простым солдатом, во времена открытой войны, которая сейчас как будто бы вновь воскресла.

— Один танк, сэр, — прозвучал голос, и механическая рука опустила на карту булавку с черной головкой, — попытался разведать замолчавший пост. Солдат в противогазе вышел наружу, и с тех пор танк не отвечает.

— Это газ, — произнес генерал, глядя на черную булавку. — Конечно же, это их новый газ. Должно быть, он проникает через газовые маски или защитные кремы, или через то и другое.

Он посмотрел на одного из офицеров, рядком сидевших напротив него; у каждого из них на голове были наушники, а перед губами висел микрофон, на коленях у них лежали планшеты, в которых они время от времени делали пометки и перемещали булавки.

— Капитан Харви, — позвал генерал, — вы уверены, что мёртвую зону не обстреливали химическими снарядами?

— Так точно, господин генерал. Противник не производил достаточно сильного обстрела, чтобы вывести из строя большое количество наших

постов. Да и те обстрелы, что были, пришлись на другие участки фронта.

Офицер поднял глаза на генерала, а потом опять склонился над своим планшетом, отмечая участки, на которых воздушная разведка засекла в тумане вспышки залпов тяжелых орудий.

— Их авиация не сбрасывала бомб, не так ли?

Другой офицер оторвал взгляд от своего планшета.

— Наши аэропланы контролируют воздушное пространство в этом квадрате, сэр.

— Значит, либо у них есть бесшумные танки, — задумчиво пробормотал генерал, — либо…

Механические пальцы поместили на карту красную булавку.

— Сэр, с одним из наблюдательных постов восстановлена связь. Два пехотинца, отставшие от своего подразделения, забрели туда и обнаружили, что расчет пулемета убит, на телах были надеты противогазы. Никаких танков или следов. Их личности уже установлены, сэр, и сейчас они ищут поблизости следы гусениц или снаряды.

Генерал бесстрастно кивнул.

— Сообщите мне, если они что-то обнаружат. Незамедлительно.

И он опять погрузился в напряженное созер-

цание карты с ползущими по ней искорками и внезапно появляющимися и исчезающими точками света. Вон там, на левом фланге, четыре белые искры ползли к точке, которая некоторое время назад была отмечена голубой вспышкой. Внезапно красный огонёк зажегся там, где ползла одна из белых искорок. Один из двух офицеров, стоявших позади генерала, резким голосом отдал приказ. В следующее мгновение оставшиеся три белые искры изменили направление своего движения. Они направились к красному огоньку — в ту точку, в которой экипажем первого танка был обнаружен неприятель.

— Танк противника уничтожен в этом пункте, сэр, — произнес голос сверху.

— Уничтожено три наших наблюдательных поста, — пробормотал генерал. — Противник знает об этом. Для них это хорошая возможность. Необходимо снова занять эти посты.

— Приказы отданы, сэр, — произнес штаб-офицер у него за спиной. — Но докладов пока нет.

Генерал снова перевел взгляд на участок фронта шириной и глубиной в две мили, где остался один функционирующий наблюдательный пост, занятый двумя заблудившимися пехотинцами. Сражение в тумане развивалось, и генерал дол-

жен был лично наблюдать за происходящим, ибо часто по мелким и незначительным признакам можно открыть истинные планы противника. Но мёртвая зона не была, разумеется, чем-то мелким и незначительным. Полдюжины танков ползли через неё, монотонно докладывая об отсутствии признаков вражеского прорыва. Внезапно одна из искорок, отмечавших на карте эти танки, погасла.

— С танком потеряна связь, сэр.

Генерал, погруженный в свои думы, безучастно наблюдал за происходящим.

— Отправьте четыре вертолета, — после паузы произнес он, — пусть очистят этот квадрат. Посмотрим, чем там занимается враг.

Один из офицеров, сидящих напротив него, быстро отдал приказ. Издали послышался рёв, вскоре затихший. Вертолёты поднялись в воздух. Они пронесутся через туманное море, а над нужным квадратом снизятся почти до самой земли, и их мощные воздушные винты развеют завесу тумана под собой чтобы можно было увидеть, что происходит на земле. Если в проделанных в тумане дырах будут замечены какие-либо движущиеся танки, они мгновенно будут замечены и уничтожены артиллерийским огнем, в то время

как сами артиллерийские батареи будут по-прежнему укрыты искусственным туманом.

Больше никакие звуки не проникали внутрь монструозного танка. Слышалось лишь слабое монотонное гудение электрогенератора, да время от времени раздавались тихие, но чёткие приказы офицеров позади генерала, которые помогали поддерживать эту партию в патовом состоянии.

Офицер ВВС вздернул голову, прижимая руками наушники плотнее к голове, как будто бы это помогало ему лучше слышать.

— Сэр, противник отправил шестьдесят боевых машин чтобы атаковать наши вертолеты. Мы послали сорок наших одноместных в качестве эскорта.

— Дайте им достаточно плотно втянуться в бой, — рассеянно произнес генерал, — чтобы у противника сформировалось представление, что мы отчаянно нуждаемся в информации. Потом отзовите их назад.

Снова воцарилась тишина. Механические пальцы втыкали булавки тут и там. Вражеский танк уничтожен в одном месте. В другом американский танк наткнулся на неприятеля и перестал отвечать. Противник отправил четыре вертолета в сопровождении пятидесяти

истребителей чтобы разведать местность позади американских линий. Они обнаружили взвод из четырех американских танков, которые бросились в разные стороны из очищенного винтами пространства, словно букашки из-под перевернутого камня. Тотчас же сто пятьдесят орудий обрушили свой смертоносный огонь на то место, где были обнаружены танки. С двумя из них была потеряна связь.

Вдруг внимание генерала привлекла лампочка, зажёгшаяся на телефонном аппарате.

— Ах, чёрт, — рассеянно пробормотал генерал. — Они требуют публичное заявление.

Это был телефон прямой связи со Столицей. Озабоченное правительство жаждало новостей, и кроме того, были приняты соответствующие технические меры, чтобы транслировать должным образом подготовленные отчеты о положении дел на фронте, чтобы голос главнокомандующего звучал на каждом заводе, в каждом общественном месте, из каждого громкоговорителя на улицах городов.

Генерал снял трубку. На другом конце провода был Президент Соединенных Штатов.

— Генерал?

— Сражение все еще в начальной стадии,

сэр, — без спешки доложил генерал. — Противник предпринимает попытки прорыва, вероятно имея целью наши мастерские и базы снабжения. Разумеется, если ему это удастся, мы будем вынуждены отступить. Около часа назад он парализовал наши радиостанции, не подозревая, как мне кажется, о том, что мы имеем беспроводные индуктивные передатчики, работающие через почву. Полагаю, сейчас враг в замешательстве и не понимает, почему наша система связи не развалилась.

— Но каковы наши шансы? — голос Президента был твердым, но в нем чувствовалось напряжение.

— Противник вдвое превосходит нас по количеству танков. — спокойно сообщил генерал. — Если мы не сможем разделить его силы и уничтожить их по частям, мы конечно же будем разбиты в генеральном сражении. Но мы делаем всё возможное, чтобы любая подобная акция прошла в пределах досягаемости нашей артиллерии, которая поможет уровнять шансы. Если генеральное сражение всё же состоится, мы снимем дымовую завесу, поставив на карту всё.

Повисла мёртвая тишина.

Когда голос Президента снова зазвучал, он был

еще более напряженным.

— Вы выступите с публичным заявлением, господин генерал?

— В двух словах. На большее у меня нет времени.

В трубке зазвучали щелчки, а взгляд генерала вернулся к карте сражения. Он указал пальцем на одно место.

— Сконцентрируйте наши резервные танки здесь. А наши воздушные силы — вот здесь. Немедленно.

Два указанных квадрата располагались почти на противоположных краях поля боя. Начальник штаба, чьим предназначением было придирчиво оценивать указания главнокомандующего, резко возразил:

— Но, сэр, у наших танков не будет защиты от вертолётов!

— Я вполне отдаю себе в этом отчет, — мягко произнес генерал.

Он вернулся к телефону. Тоненький голосок на другом конце провода в это время произнес:

— Главнокомандующий сухопутных сил сделает заявление.

Генерал заговорил.

— На протяжении нескольких последних часов

мы ведем интенсивный бой с противником. Мы потеряли сорок танков, а противник, по нашим оценкам, шестьдесят или больше. Это еще не генеральное сражение, но мы полагаем, что решительные действия со стороны противника будут предприняты в течении следующих двух часов. Танковые части на поле боя сейчас, как и всегда, нуждаются в боеприпасах, новых танках и специальном оборудовании для ведения современной войны. В частности, мы запрашиваем дополнительные поставки смог-газа. Я обращаюсь к вашему патриотизму, чтобы вы усилили нас военными материалами и людскими резервами.

Он повесил трубку и вернулся к изучению карты.

— Эти три поста наблюдения, — вдруг сказал он, указав место на карте, где недавно был уничтожен вражеский танк. — Туда прибыли новые контингенты?

— Так точно, сэр. Только что отрапортовали. Танк, о котором они сообщили, прокатился по укреплениям и разрушил их. Сейчас они пытаются откопать вход.

— Сообщите мне, когда связь с ними снова пропадет, — велел генерал. — А она обязательно

пропадёт.

Он еще раз оглядел карту и снова заговорил, не поднимая глаз:

— Тот пост в мёртвом секторе, в котором два заблудившихся пехотинца. Сообщения есть?

— Пока нет, сэр.

— Когда придут, сообщите мне незамедлительно.

Генерал откинулся в своем кресле и расслабил тело. Он раскурил сигару и затянулся; руки его не дрожали. Другие офицеры, учуяв аромат дыма, с завистью поглядывали на него. Вражеские отравляющие газы, так же, как и американские, в достаточно большой концентрации могли проникнуть через любой противогаз. Танки же были изолированы от окружающей среды, словно подводные лодки, и открывали свои герметичные люки только когда наружный воздух был проверен на наличие газов. И только генералу было позволено расходовать воздуха больше, чем положено человеку для дыхания.

Генерал рассеянно огляделся по сторонам, давая своему разуму отдохнуть от огромного нервного напряжения перед началом еще более напряжённого периода, который начнется через несколько минут. Он посмотрел на высокого

светловолосого мужчину, стоящего по другую сторону стола, который внимательно изучал карту, задумчиво наморщив лоб.

На лице генерал появилась усмешка. Этот человек был офицером управления ИР — Интерпретативной Разведки — отобранный из тысячи претендентов, поскольку исчерпывающие психологические тесты показали, что он мыслит наиболее сходным с вражеским главнокомандующим образом. Его задачей было, встав на место командующего армией противника, реконструировать стратегические планы врага по предпринятым им действиям, известным на данный момент.

— Итак, Харлин, — начал генерал, — где он нанесёт удар?

— Он очень хитёр, сэр, — ответил Харлин. — Этот разрыв в наших позициях на первый взгляд выглядит как подготовка к массированному проникновению его танковых подразделений вглубь нашей линии обороны. И будет вполне логично, если он попытается сбить наши разведывательные вертолёты чтобы скрыть концентрацию своих танков в этом районе.

Генерал кивнул.

— Совершенно верно, совершенно верно, —

подтвердил он.

— Но, — с жаром продолжал Харлин, — он должен понимать, что мы способны просчитать такой его ход. Поэтому он мог бы уничтожить наши посты просто для того, чтобы мы решили, что он планирует удар в этом месте. Он может сбить наши вертолеты не для того, чтобы скрыть свои танки, а для того, чтобы скрыть отсутствие своих танков!

— Я думал о том же, — произнес генерал. — Но, с другой стороны это настолько похоже на уловку, что вполне может оказаться правдой. Я не имею права пойти на такой огромный риск чтобы считать это всего лишь трюком.

Он снова посмотрел на карту.

— Есть сообщение от тех двух пехотинцев? — внезапно спросил он.

— Всё еще нет, сэр.

Генерал барабанил пальцами по столу. В разных местах карты горели четыре красные точки — они отмечали американские танки, или группы танков, которые в этот момент вели бой с вражескими танками. Где-то сейчас в густом тумане, превративший весь мир в серый хаос, неуклюжие стальные монстры таранили и расстреливали друг друга с предельно малой

дистанции. Они сражались вслепую, стволы их орудий угрожающе вращались, изрыгая во мглу клубы зловещего пламени, а в это время со всех сторон на них падали струи смертоносных аэрозолей, убивающих каждого, кто их вдохнёт. Эти вещества проникали через любой противогаз, и от них не спасали даже специальные кремы, некогда защищавшие от самых едких кожно-нарывных газов эпохи Первой мировой.

Тысячи танков укрывались в тумане, и четыре боестолкновения имели место на всей линии фронта, только четыре. В сражениях, в которых главной силой являются танковые соединения, главным элементом является манёвр, точно так же как в кавалерийских или морских операциях. Когда в бой вступают основные силы, развязка наступает быстро. В такой ситуации невозможно завязать долгое позиционное сражение, как это бывало в былые годы траншейных войн, когда главной на поле боя была пехота. Те бои, которые до сих пор имели место под покровом тумана, или поверх него, в воздухе, были всего лишь незначительными стычками передовых частей. Когда в дело пойдут основные силы врага, это будет похоже на удар бури, и всё сражение будет выиграно или проиграно в считанные минуты.

Поэтому генерал почти не обратил внимания на эти четыре локальных боя.

— Мне нужна связь с теми двумя пехотинцами, — тихо произнес генерал. — Свои решения я буду принимать на основе той информации, которую они мне сообщат. Я уверен, что судьба всей войны зависит от того, что они мне сообщат.

Он замолчал, глядя на карту уже без той напряженной озабоченности, которую демонстрировал ранее. Он уже знал те ходы, которые он будет делать в трёх возможных вариантах развития событий. Сейчас он наблюдал за изменениями на карте лишь для того, чтобы быть уверенным, что ему не придется совершать этих ходы прежде чем он будет готов. Весь его облик теперь выражал бесконечное ожидание: главнокомандующий Армии Соединенных Штатов терпеливо ждал, что скажут ему два пехотинца, затерянные в беспросветном тумане, покрывшем поле боя.

Мгла не была ни плотнее, ни светлее в том месте, где капрал Уоллис остановился, чтобы скрутить свою легендарную «сигаретину». Он использовал табак, добытый с тела пулемётчика, отравленного газом в бункере в нескольких ярдах позади. Сержант Коффи в трёх ярдах от него выглядел как размытая фигура. Капрал Уоллис

сжал сигарету зубами, зажёг спичку и осторожно раскурил её.

— Ах! — блаженно воскликнул капрал и заметно повеселел. Ему показалось, что сержант направляется в его сторону, и он с жадностью прикрыл огонёк сигареты рукой.

Внезапно нах их головами загрохотал пулемет; источник этого звука с огромной скоростью пронёсся над ними. Ему ответил другой пулемет. Вдруг в невидимых небесах над ними разверзся ад, полный пулеметных очередей и ревущих моторов. Патрульные аэропланы обычно имели двигатели с глушителями, чтобы рев мотора не мешал выискивать по звуку вражеские танки в тумане. Но на истребители глушители не ставили, поскольку те снижали мощность двигателей. Над головами двух заблудившихся пехотинцев сейчас яростно сражались около сотни самолетов вокруг пяти разведывательных вертолетов. Один из вертолетов упал в двух тысячах ярдов от них, и сразу же взорвался. На несколько мгновений туман вокруг окрасился в жёлтый колер. Но шум схватки наверху не стихал. Не удалялся, как это бывало в бою между патрульными аэропланами, когда каждый пытается занять большую высоту чтобы получить преимущество над противни-

ком, но сохранялся на том же уровне, едва выше покрова мглы.

Что-то с рёвом устремилось вниз и обрушилось на землю не далее чем в пятидесяти футах от них. Удар был ужасен, но взрыва не последовало, в то время как наверху всё еще бушевала буря.

Сержант Коффи подскочил к Уоллису.

— Вертолёты! — проревел он. — Охотятся на танки и бункеры! Ложись!

Он ничком упал на землю.

В их спины ударил ветер, который быстро превратился в вихрящийся поток ледяного воздуха, падающий с небес. На одно мгновение небо прояснилось. Они увидели круглую дыру в тумане, ясно различили маленький бункер, огромный размытый контур подъемного винта, стремительно проносящийся над ними, лица за ветрозащитными стёклами, изучающие поверхность земли, и пулеметчиков, яростно поливающих огнем мелькавшие в воздухе тени. Затем всё пропало.

— Один из наших, — прокричал сержант Коффи в ухо капралу. — Они пытаются обнаружить танки ускоглазых!

Центр ревущего урагана смещался, предположительно, к северу. И тут новый звук заглушил все остальные. Источник его был ниже и стре-

мительно приближался к ним. Что-то — тёмное пятно на фоне более светлой пелены тумана — пронеслось над их головами. Это был аэроплан, совершающий самоубийственный полёт сквозь непроглядную завесу смог-газа. Он промелькнул в вышине, исчез, и в следующий момент раздался грохот чудовищного удара, заглушивший рёв сотен авиационных моторов в небесах. Вслед за тем грянул оглушающий взрыв, и вспышка пламени подсветила окружающий туман.

— Врезался в дерево, — констатировал Коффи, с трудом вставая на ноги. — Психопат, охотился на наши вертолеты.

Капрал Уоллис указал на что-то впереди, губы его растянулись в оскале.

— Тихо! — прошептал он. — Я видел тень на фоне вспышки! Пехотинец ускоглазых. Давай за ним!

— Ты спятил, — пробормотал сержант Коффи, но тем не менее тоже стал вглядываться вперед, напрягая зрение и, особенно, слух.

Вдруг он схватил Уоллиса за запястье и указал на что-то в тумане. Уоллис не увидел ничего, но последовал вслед за Коффи, беззвучно двигаясь через серую мглу. Вскоре и он, до предела напрягая глаза, различил впереди неясное движение.

Шум моторов затих вдали. Воздушная битва прекратилась, вероятно потому, что вертолеты были отозваны. Наступила полная тишина, и лишь где-то очень далеко глухо бухала артиллерия.

— Ищет наши бункеры, — прошептал Коффи.

Они видели, как бесшумно двигавшаяся неясная тень вдруг остановилась. Казалось, что эта размытая фигура что-то ищет. Вдруг она опустилась на четвереньки и поползла вперед. Оба пехотинца поползли за ней. Преследуемый резко остановился и осмотрелся; преследователи мгновенно замерли и притворились кочками. Вражеский пехотинец пополз в другом направлении; американцы последовали за ним на таком расстоянии, чтобы не быть обнаруженными.

Неприятельский солдат снова остановился. Они увидели, как он возится со своим поясом. Затем он бросил в туман какой-то предмет. Послышался тихий стук, будто авторучка упала на бетонный пол. Раздалось тихое шипение. Вражеский пехотинец замер, прислушиваясь, и будто чего-то ждал…

Оба американца разом бросились на него. Они повалили его на землю и Коффи попытался сорвать с него противогаз — хорошая тактика в

бою, когда каждый солдат носит с собой газовые гранаты. Противник отчаянно сопротивлялся, задыхаясь от леденящего ужаса.

Они отняли у него автоматический карабин, прижали к земле, и, пока сержант Коффи тщетно пытался сорвать с него противогаз, капрал Уоллис обшаривал противника в поисках табаку.

— Чёрт тебя подери! — рявкнул Коффи. — Эта штука не снимается.

— У него нет карманов! — грустно пробормотал Уоллис.

Тогда они более внимательно осмотрели своего пленника.

— У него цельный комбинезон, — объяснил Коффи. — Хм… Ему не приходится обмазываться защитной пастой. Это как водолазный костюм, только для ходьбы по поверхности.

— С-с-слышь, — просипел пленник, его речь звучала совершенно по-американски, несмотря на то, что раскосые глаза и жесткие черные волосы выдавали в нем представителя враждебной расы. — Слышь, не трогай мой противогаз. Не трогай мой противогаз!

— Смотри-ка, он умеет говорить, — с изумлением заметил Коффи. Он изучил вражеский противогаз и, не найдя способа его снять, просто

выдавил стёкла очков.

— Ну что, малыш, теперь наши шансы равны. Что ты тут делал?

Смертельно бледный пленник стиснул зубы и нечего не ответил.

— Хм… — задумчиво выдохнул Коффи. — Ладно, давай затащим его в бункер и спросим Засранца Мэдисона что нам делать с ним дальше.

Они подняли пленного на ноги.

— Нет! Нет! Ради бога, нет! — пронзительно завопил тот. — Я только что швырнул туда газовую гранату!

Оба американца остановились. Коффи почесал свой мясистый нос.

— Думаешь, он врёт, Пит? — спросил он.

Капрал Уоллис неопределенно пожал плечами.

— У него нету табака, — мрачно пробормотал он. — Давай бросим его внутрь и посмотрим, что будет.

Пленный извивался всем телом, и тогда Коффи ткнул его в поясницу его же собственным автоматом.

— Как долго действует газ? — хмуро спросил он. — Засранец Мэдисон ждет нашего рапорта. Там, внутри, лежат несколько парней, нюхнув-

ших газку, но мы сами были там несколько минут назад, и с нами всё в порядке. Через сколько времени туда снова можно будет зайти?

— Четырнадцать-пятнадцать минут, может двадцать, — отвечал пленный. — Не заставляйте меня туда идти!

Коффи снова почесал свой нос и посмотрел на наручные часы.

— Ладно, — согласился он, — мы дадим тебе двадцать минут. Потом мы засунем тебя внутрь. То есть, если до тех пор ты будешь вести себя как хороший мальчик. Есть закурить?

Трясущимися руками пленник расстегнул застёжку-молнию на своем костюме, и извлек из кармана свой табак, точнее самодельные сигареты. Коффи на долю секунды опередил Уоллиса и схватил их все. Затем он с тончайшей скрупулёзностью разделил их поровну.

— Отлично, — произнес Коффи расслабленным голосом. Он закурил.

— Слышь, — обратился он к пленному. — Ты, если хочешь курить, говори, я дам тебе одну. А теперь давай посмотрим, что у вас там за газ. Как вы его применяете?

Уоллис уже снял тяжелый пояс с талии пленника, и держал его в руке словно мертвого удава.

Они принялись тщательно осматривать пояс. Он имел два или три десятка ячеек с мягкой фланелевой подкладкой, в которых помещались тонкие цилиндры, каждый размером чуть больше свинцового карандаша, тёмно-серого цвета.

— Он в этих штуках? — удовлетворенно то ли спросил, то ли подтвердил Уоллис. Он глубоко затянулся с тем неописуемым наслаждением, которое дарит сигарета ручной работы человеку, которому приходилось много дней до того добивать окурки.

— Не трогай их! — нервно предостерег пленный. — Вы сломали мои очки. Если их бросить, от удара они загораются и выпускают газ.

Коффи коснулся плеча пленника и указал на землю, затем сел сам. Теперь весь его вид излучал добродушие.

— Слышь, дружище, — с любопытством спросил он, — здорово лопочешь по-английски. Где выучил?

— Работал официантом, — ответил пленный. — В Нью-Йорке. Угол Сорок-восьмой и Шестой авеню.

— Да ладно! — вскричал Коффи. — А я крутил кино там, недалеко. На Сорок-девятой. Ну, знаешь, комнатка где стоит кинопроектор. Скажи,

а ты знаешь такую забегаловку, называется «У Хайни»?

— Конечно, — ответил пленный. — Я еще покупал виски у того белобрысого чувака в задней комнате. Они еще клеили на бутылки этикетки со словом «Растворитель» для конспирации, если не ошибаюсь?[1]

Коффи откинулся назад и хлопнул себя по коленям.

— Правду говорят, мир тесный, ага? — рассмеялся он. — А вот Пит, например, ни разу не был в городе больше Чикаго. И даже в Чикаго наверно не был, да?

— Черт, — пробурчал Уоллис, всё еще угрюмый, но уже слегка оттаявший благодаря элитным сигаретам. — Если вы, парни, хотите устроить еще одну, дополнительную войну, то можете долбануть по Чикаго. Мне как-то всё равно.

Коффи посмотрел на свои часы.

— Десять минут уже прошло, — сообщил он. — Скажи, ты должно быть знал Пита Ханфри?

— Конечно я знал его, — с презрением в голосе отвечал пленник. — У меня с ним счёты. В один прекрасный день, как раз перед тем, как наших

---

[1] Примечания: 1

Отсылка к эпохе Сухого Закона в США в 1920–1933 гг.

резервистов отозвали на родину…

В это самое время в гигантском танке, который служил штаб-квартирой армии, генерал барабанил пальцами по коленям. Мерцающий бледный свет заливал карту по которой ползли разноцветные искры. Белые огоньки отмечали американские танки. Синие отмечали вражеские машины, о которых было доложено обычно в тот трёхсекундный интервал, возникавший между их обнаружением и уничтожением наблюдательного поста, сообщившего о них. Красные точки свидетельствовали о столкновениях между американскими и вражескими танками. Можно было наблюдать около дюжины красных огней на карте, и вокруг каждого из них мельтешило от одной до десятка белых искр. Казалось, вся линия фронта вот-вот вспыхнет алым светом, превратится в сплошную линию боестолкновений в непроглядной полутьме, где стальные монстры с рёвом и лязганьем будут сталкиваться, изрыгая пламя, яростно тараня друг друга, и поливая смертоносными аэрозолями. Под покровом искусственного тумана развивалось кошмарное сражение, не имевшее до сих пор примеров в истории, кроме, пожалуй, некоторого сходства с подводными битвами субмарин последней

мировой войны.

Начальник штаба поднял голову, лицо его вытянулось.

— Генерал! — воскликнул он. — Похоже на то, что неприятель атакует наши позиции на всём протяжении фронта.

Сигара генерала погасла. Он был бледен, но сохранял железное спокойствие.

— Именно так, — подтвердил он. — Но вы упускаете из виду вот это слепое пятно в наших линиях. Мы не знаем, что там происходит сейчас.

— Я не упускаю этого из виду. Но противник вдвое превосходит нас числом.

— Я жду, что сообщат те два пехотинца, которые недавно выходили на связь из мёртвой зоны.

Тогда начальник штаба обвел пальцем контур на карте, образованный красными точками столкновений танковых групп.

— Эти локальные бои длятся слишком долго! — резко вскрикнул он. — Генерал, разве вы не видите, что они теснят нас с позиций. Но они продвигаются вперед не так быстро, как они делали бы если бы бросили в бой основные силы! Если бы они перешли во фронтальную атаку, они бы смяли наши силы в первой линии, просто раз-

давили бы нас. Это же уловка! На самом деле они концентрируют свои танки в этой мёртвой зоне.

— Я жду, — спокойно ответил генерал, — когда выйдут на связь те два пехотинца.

Он снова посмотрел на карту и тихо произнёс:

— Пусть им отправят сигнал вызова. Вдруг они ответят.

Он чиркнул спичкой и снова раскурил свою погасшую сигару. Его пальцы едва заметно дрожали, когда он подносил спичку. Это могло означать просто волнение, но могло быть и дурным предчувствием.

— Кстати, — сказал он, всё еще держа спичку в руке, — нужно подготовить наши передвижные мастерские и танки снабжения к маршу. Все аэропланы и вертолёты, само собой, и так готовы к вылету по первому сигналу. Но необходимо незамедлительно посадить наземный персонал ВВС в их транспортные танки.

Генерал затянулся, а бормочущие голоса вокруг начали отдавать необходимые приказы. Генерал пристально смотрел на карту.

— Дайте мне знать, если станет известно что-нибудь об этих пехотинцах…

Самый воздух в штабном танке как будто пропитался напряжением, исходившим, казалось, от

самого генерала.

А в это время там, в тумане, где на корточках сидели Коффи, Уоллис и их пленник, никакого напряжения и в помине не было. Все трое мило трепали языком.

— А какие пайки они вам выдают? — поинтересовался Коффи.

Вражеский военнопленный рассказал им, приукрасив описание непечатными подробностями.

— Чёрт, — мрачно проговорил Уоллис. — Посмотрел бы ты на то, чем кормят нас! На той неделе мы питались хуже собак. А это дерьмо в консервных банках…

— А ваших танкистов, небось, балуют? — спросил пленник.

Ответ сержанта Коффи состоял почти полностью из ветвистых бранных выражений.

— …а пехота каждый раз получает шиш с маслом, — закончил он, пылая праведным гневом. — Хотя это мы делаем всю работу.

Где-то вдали снова началась канонада. Уоллис навострил уши.

— Танки пошли в дело, — вынес он свое мрачное заключение. — Скорей бы они уже разнесли друг друга, и дали наконец нам, пехтуре, пойти в бой…

— К черту танки! — со злостью сплюнул пленный. — Слушайте, ребята. Посмотрите на меня. Они послали наш батальон, двумя волнами. Мы шли по компасу через туман, с интервалом в пять шагов один от другого. Мы натыкались на огневые точки и посты прослушки, поливали их газом и шли дальше. Мы старались не производить шума. Мы старались не быть обнаруженными до той поры, пока не применим газ. Мы продолжали идти вперед, мы углубились в ваши позиции так далеко, как только смогли. Если мы слышали ваши танки, мы уклонялись от них если могли, так что мы прошли необнаруженными. Само собой, мы тоже давали им порцию газа, просто на всякий случай. Но мы не получили ни одного приказа, в котором бы говорилось, как далеко мы должны зайти, и каким образом мы вернемся назад. Мы просили сигналы, чтобы наши танки могли нас опознать, а они ухмылялись и говорили, что мы не увидим своих танков до самого конца сражения. Они просто сказали: разверните на сто восемьдесят градусов и идите назад, когда туман развеется. Как вам такое?

— Ты из второй волны? — спросил Коффи.

Пленный кивнул.

— Зачистить то, что пропустила первая вол-

на, — с горечью в голосе признался он. — Ох, как это было не весело. Мы всё шли и шли, поливали газом мертвецов, а ваши танки постоянно кружили вокруг, пытаясь выяснить, что случилось с вашими наблюдательными постами. Они прошли прямо через нас.

Коффи сочувственно кивнул.

— Пехоте всегда достается самая грязная работёнка, — угрюмо проворчал Уоллис.

Где-то что-то оглушительно взорвалось. Раскаты далекой битвы становились всё громче и громче.

— Усиливается, — заметил пленный, прислушиваясь к звукам сражения.

— Ага, — проговорил Коффи.

Он посмотрел на часы.

— Слушай, двадцать минут прошло. Давай спускайся внутрь, малыш.

Они стояли рядом с бункером. Колени пленника тряслись.

— Слышь, ребята, — умоляюще пролепетал он, — они говорили нам, что газ рассеивается за двадцать минут, но вы сломали мой противогаз. А ваши просто бесполезны против этого газа. Я пойду туда, ребята, если вы заставите меня, но…

Коффи раскурил еще одну трофейную сига-

рету.

— Дадим тебе еще минуть пять, — великодушно сказал он. — Не думаю, что это решит исход войны.

С явным облегчением они снова уселись на землю, укутанную непроглядной серой пеленой смог-газа, из которой доносились глухие раскаты невидимой битвы.

А в штабном танке напряжение в воздухе нарастало. Ситуационная карта демонстрировала, что положение близко к критическому. На карте зажглись позиции танков резерва — тусклые оранжевые огни, сконцентрированные в удивительно правильные прямоугольники. Маленькие зеленые квадраты отмечали скопления передвижных мастерских и танков снабжения. Они медленно двигались по карте. Но основные изменения происходили на линии фронта.

Красные огоньки танковых боёв сформировали кривую прерывистую линию. Сейчас одновременно более чем в двадцати участках фронта шли локальные бои, в которых участвовали то единичные танки, то целые соединения от двадцати до тридцати машин. Но положения красных точек постоянно изменялись, и во всех случаях американские танки отступали.

Двое штаб-офицеров за спиной генерала молча и с лихорадочным возбуждением следили за тем, как красные точки отодвигаются всё дальше и дальше назад…

Начальник генерального штаба дрожал, как осиновый лист, наблюдая за тем как всё больше и больше растягивается американская линия обороны…

Генерал взглянул на него с кривой ухмылкой.

— Я знаком со своим оппонентом, — вдруг произнес он. — Однажды мы встретились за ленчем в Вене. Это было во время конференции по разоружению.

Казалось, генерала позабавила ирония этой фразы.

— Вполне естественно, что мы обсуждали военную теорию. И тогда он на салфетке нарисовал мне тактическую схему сражения при Камбре в 1917 году[2]. Это был на редкость совершенный план. Очень красивая комбинация.

— Генерал! — воскликнул один из двух штаб-офицеров за его спиной. — Запрашиваю двадцать танков из резерва.

— Возьмите их, — ответил генерал, а затем про-

---

[2] Примечания: 2
Первое сражение, в котором решающую роль сыграли танки.

должал, обращаясь к начальнику штаба. — Это был на редкость совершенный план. Я говорил со многими людьми. Мы, солдаты, на той конференции были заняты тем, что исподволь оценивали друг друга. Мы дискутировали в своем кругу с определенной свободой, скажем так. И у меня сложилось мнение, что тот человек, который сейчас командует армией противника, настоящий художник. Солдат с душой мечтателя. К слову, он весьма опытный фехтовальщик. Это говорит о чем-нибудь?

Начальник штаба не сводил глаз с карты.

— Это уловка, сэр. Да, очень ловкая уловка, но я уверен, что он сконцентрировал свои основные силы в мёртвой зоне.

— Вы меня не слушаете, — с укоризной сказал генерал. — Я говорил о том, что мой оппонент художник, мечтатель, из той породы людей, которые наслаждаются изящными фехтовальными выпадами. Я, друг мой, вознесу хвалу Господу, если Он даст мне шанс победить моего противника. У него вдвое больше сил, но он не удовлетворился бы столь простой победой надо мной. Он желает победить меня с помощью чрезвычайно виртуозного плана, который будет возбуждать умы военных десятилетия спустя.

— Но, генерал, каждую минуту, каждую секунду…

— …Мы теряем людей, которых у нас в избытке, и танки, которых у нас недостаточно. Это правда, истинная правда, — признал генерал. — Но я жду доклада от тех двух заблудившихся пехотинцев. Когда они выйдут на связь, я сам поговорю с ними.

— Но сэр, — вскричал начальник штаба, которого только железный ошейник привычки к дисциплине удерживал от применения насилия и принятия командования на себя, — они просто могут быть мертвы! Вы не имеете права рисковать судьбой всей войны, ожидая весточки от них! Вы не можете пойти на такой риск, сэр! Не можете!

— Они не мертвы, — спокойно отвечал генерал. — Они не могут быть мертвы. Иногда, друг мой, мы должны следовать девизу, выбитому на наших монетах[3]. Ради спасения нашей страны эта битва должна быть выиграна. И мы выиграем её, сэр! А единственный путь к победе, это…

На его телефонном аппарате загорелся сигнал вызова. Генерал схватил трубку. Руки его дрожа-

---

[3] Примечания: 3

In God we trust — «На Бога уповаем».

ли. Но голос, когда он заговорил, был твёрдым и ровным.

— Слушаю, сержант… сержант Коффи, если не ошибаюсь?.. Отлично, сержант. Расскажите, что вам удалось обнар… Ваш военнопленный жалуется на свой сухой паёк? Хорошо, продолжайте… Каким образом они отравили газом наши посты?.. Даже так, да? Вы блуждали вокруг поста и вдруг наткнулись на него?.. Ах, он был из второй волны! Они не хотели дать ни единого шанса хоть одному из наших постов сообщить об их танках, да?.. Повторите, сержант Коффи!

Тон генерала изменился неописуемым образом.

— У вашего пленного не было опознавательного сигнала на случай встречи со своими танками? Они сказали ему, что он не увидит ни одного дружественного танка до тех пор, пока сражение не завершится?.. Благодарю вас, сержант. Один из наших танков подберёт вас. Это говорит главнокомандующий сухопутных сил.

Когда он вешал трубку, глаза его сверкали. Былой расслабленности как не бывало. Как заводной, он начал отдавать приказы.

— Танки снабжения, танки-мастерские, наземные службы ВВС — концентрируются здесь! — его

палец воткнулся прямо в центр мёртвой зоны.

— Танки резерва занимают позицию позади них. Отзовите все танки, какие сможете — выведите их из боя! — и сконцентрируйте их по фронту, на бывшей передовой линии наших аванпостов. Все аэропланы и вертолёты пусть поднимаются в воздух и завязывают генеральное сражение с авиацией противника, где бы ни находился враг, и какие бы силы он ни привлекал. А наши танки в это время идут прямо сюда!

Приказы побежали по телефонным проводам. Приказы были отданы прежде, чем общий их смысл был понят до конца. И тогда поднялся вой.

— Генерал! — закричал начальник штаба. — Если враг собрал там свои основные силы, он полностью уничтожит наши войска как только они выйдут на позицию!

— Он не собирал там свои основные силы, — сверкая глазами отвечал генерал. — Те пехотинцы, которые уничтожили газом наши посты наблюдения, не получили опознавательных сигналов для встречи со своими танковыми частями. У пленника сержанта Коффи сломан противогаз, и он слишком напуган чтобы врать. Командующий армией противника не настолько глуп, чтобы подрывать боевой дух своих людей,

отказывая им в опознавательных сигналах, если они в них нуждаются. И посмотрите, какой великолепный план он нарисовал!

Резкими движениями пальцев он прочертил на карте с полдюжины линий, которые уже проступали на её поверхности световыми пятнами, так как отданные приказы уже вступали в действие.

— Его основные силы здесь, позади линии этих мелких стычек, которые выглядят как отвлекающий маневр. Как только мы усиливаем наши сражающиеся подразделения, он усиливает свои — ровно настолько, чтобы продолжить медленно теснить наши танки. Это выглядит как ложная угроза, но на самом деле это ловушка! Это мёртвое пространство — пусто! Он полагает, что мы концентрируем свои силы против этого прорыва, ожидая его наступления. Когда он будет уверен, что мы завершили концентрацию — а его разведывательные вертолеты пронесутся над нами в любую минуту, так, теперь смотрите, — он бросит все свои силы против нас во фронтальную атаку. Его войска сомнут нас. Они возьмут нас в клещи и обойдут с тыла, а мёртвая зона окажется перед их фронтом! Имея двукратное численное превосходство, он погонит нас вперед перед собой.

— Но генерал! Вы приказали собрать всю армию

в том квадрате. Вы же действуете в соответствии с его планом!

Генерал рассмеялся.

— Однажды я обедал с их главнокомандующим. Он художник. Он не удовлетворится такой легкой победой. Он хочет превратить это сражение в шедевр, в произведение искусства! Осталось добавить еще один штрих. Он вынужден иметь резервы для защиты своих передвижных мастерских и танков снабжения. Они занимают определенные позиции. И вот он — идеальный завершающий штрих, гениальный тактический маневр — прямо ЗДЕСЬ! Взгляните. Он планирует ударить нам в тыл, вот тут. Главный удар будет нанесен здесь. Он обойдет наш правый фланг, вынуждая нас отступить из мёртвой зоны в глубь его собственных позиций — и приведет нас прямо на свои резервные силы! Разве вы не видите? Он собирается использовать каждый танк, который у него есть, чтобы нанести великолепный финальный удар. Мы, переигранные, превзойденные числом, обойденные с флангов, наконец попадаем между его главными силами и резервом, и тут нас разрывают на куски и уничтожают. Какая великолепная, виртуозная победа!

Ястребиным взглядом окинул он карту.

— Мы сконцентрируем войска, но наши мастерские и мобильные склады тоже будут там. Прежде чем он ударит нам в тыл, мы сами пойдем вперед, как раз в соответствии с его планом. Но мы не будем ждать, пока нас прижмут к его резервам. Мы прорвемся сквозь них! Мы разгромим его тыловое обеспечение! Мы уничтожим его мастерские! А затем мы продолжим наступать по его линиям коммуникаций и будем уничтожать их, сжигая за собой всё — отдавайте соответствующие приказы, когда потребуется — и предоставим его танкам и моторизованной артиллерии, которые нечем заправить, сколько угодно следовать за нами! Он останется без запасов топлива прямо в сердце нашей страны, и сдастся на нашу милость, когда последние остатки топлива иссякнут. По существу, я предполагаю принять его капитуляцию в течении трех дней.

Маленькие оранжевые и зеленые прямоугольники, что отмечали позиции танков снабжения, одновременно сменили цвет на белый и начали свое движение по карте. Прочие белые искорки развернулись, каждая из них начала движение в новом направлении.

— Отсоединить кабели, — решительно приказал генерал. — Мы выдвигаемся на нашем танке,

во главе колонны!

Монотонное гудение электрогенератора потонуло в громоподобном рёве, который резко оборвался, когда захлопнулась внешняя герметичная дверь. Пятнадцать секунд спустя пол сильно накренился, и колоссальный танк начал свое движение в центре грохочущей орды ползущих металлических монстров, чей неуклюжий марш сотрясал поверхность земли.

Сержант Коффи, моргая от изумления, рассеянно подкурил последнюю сигарету из своей доли добычи, отнятой у пленного.

— Большой Босс собственной персоной! — произнес он, все еще потрясенный. — Бог ты мой, Большой Босс собственной персоной!

Издали послышался шум, низкий гул, шедший, казалось, из тыла. Он становился всё ближе и громче. Странная дрожь пришла будто из центра земли. Эти загадочные явления породили танки, идущие сквозь туман. Не один танк, не два, и не двадцать, а все танки армии, грохоча и раскачиваясь, на полном ходу неслись сквозь туман в плотном строю.

Капрал Уоллис побледнел, у пленного подкосились колени.

— Чёрт, — удрученно произнес капрал. — Они

не видят нас, а даже если бы и видели, то не смогут отвернуть и объехать нас.

Пленный возопил и рухнул на землю.

Коффи поднял его за воротник и вышвырнул из бункера.

— Давай, Пити, — быстро приказал он. — Если они не могут, то мы сами попробуем увернуться!

В следующую минуту рёв моторов, лязг гусениц, сокрушающих всё вокруг, и скрип стальных сочленений поглотили все прочие звуки. Прежде чем трое мужчин, выбравшихся из бункера, смогли сделать хоть один шаг, на них налетели монструозные мутные фигуры, катившиеся мимо них, грохоча, раскачиваясь и скрипя. Они проносились мимо, и их горячие выхлопные газы окутали троицу.

Сержант Коффи зарычал и принял вызывающую позу, упершись широко расставленными ногами в бетонный купол бункера. Его лицо приняло дикое выражение, но всё же он незаметно для остальных перекрестился. Два танка первого ряда пронеслись мимо него, справа и слева, на расстоянии в двадцать ярдов между машинами. За ним спешил второй ряд стальных монстров, ощерившихся зияющими дулами орудий, воздетых в воздух газовых трубок, извергая облака

удушающих выхлопных газов, которые были еще плотнее чем смог-газ. А за ним катился третий ряд, четвертый, пятый…

Весь мир растворился в чудовищном грохоте. Даже думать невозможно было в этом ревущем аду. На секунду показалось, что в воздухе идет отчаянный бой. Но трескучие разряды пулеметных очередей почти не пробивались сквозь оглушающий гул моторов, на которых неслась вперед Армия Соединённых Штатов в полном составе. Что-то, вращаясь, пронеслось сверху вниз сквозь застилающий всё вокруг туман и взорвалось в облаке жуткого оранжевого пламени, на несколько секунд подсветив гротескные тени бесконечных рядов танков, проносящиеся мимо трех оцепеневших пехотинцев.

А танки всё шли и шли. Двадцатая волна танков, двадцать первая, двадцать вторая… Сержант Коффи потерял счет, ошеломленный и почти оглохший из-за непереносимого грохота. Он поднимался над землей и, казалось, возвращался назад, эхом отражаясь от небесной тверди. Это был неописуемый, невообразимый и непрекращающийся грохот, давивший на барабанные перепонки словно бесконечный залп тысяч орудий. И не было ни одного мгновения перерыва

в этом сплошном потоке грохота и стали. Ряд за рядом, и снова один ряд за другим проносились мимо железные монстры, раскрывшие голодные зевы своих орудий смерти, а где-то впереди разгоралась последняя битва.

Но вдруг наступил такой момент, когда в течении нескольких секунд не появилось ни одного нового танка. Однако сквозь удаляющийся невообразимый гвалт их продвижения начали пробиваться звуки артиллерийской канонады. Это был огонь невероятной интенсивности, и отголоски его шли с той стороны, куда умчалась танковая лавина.

— Сорок восьмая, сорок девятая, сорок десятая, сорок одиннадцатая, — ошеломленно бормотал Коффи, все его чувства были подавлены почти до бессознательного состояния пережитым только что испытанием.

— Бог ты мой! Вся армия только что прошла мимо нас!

Грохот танкового сражения стал тише, но всё еще был чудовищным. Однако его вдруг заглушила серия таких мощных сотрясений, что от них завибрировали все внутренности в груди.

Потом послышались другие звуки, которые казались более громкими только потому что

источник их был ближе. И они отличались от тех звуков, что производили сражающиеся танки. Причудливые, бесформенные обслуживающие танки поехали мимо, странные машины всех размеров и форм. Танки-заправщики, танки-мастерские, невероятно огромные, танки-склады продовольствия и амуниции…

Нечто огромное и блестящее резко затормозило возле них. Отворился люк. Человеческий голос прокричал приказ. Три человека, измученные и оглушенные, тупо уставились во тьму прохода.

— Сержант Коффи! — ревел голос. — Ведите своих людей внутрь! Быстро!

Коффи кое как заставил себя двигаться. Капрал Уоллис, сгорбившись, пошел вперед. Вдвоем они запихнули своего пленника внутрь и сами ввалились вслед за ним. И тут же все трое свалились в одну кучу, когда танк резко дернулся и продолжил свой путь.

— Эй, приятель, — оскалил белые зубы офицер-танкист с закопченной физиономией. Он нависал над копошащимся сержантом, держась за поручень. — Генерал отдал особый приказ подобрать вас. Сказал, что ты выиграл войну. Она пока не закончена, но, если генерал говорит, то…

— Войну? — тупо переспросил Коффи. — Это не

война. Это же просто какой-то танковый парад!

Откуда-то сверху послышались радостные вопли. Дисциплина в ремонтном танке была достаточно строгой, но всё же значительно отличалась от формальностей, принятых у экипажей боевых машин.

— Есть связь! — вновь проревел голос. — Генерал снова вышел на связь по радио. Наши парни прорвались через их резерв и раздавили их тыловые службы!

Крики радости оглушительно отдавались внутри стальных отсеков, и без того уже заполненных рокотом моторов и лязгом гусениц.

— Раздавили их! — ревел голос наверху, безумный от счастья. — Раздавили! Раздавили! Раздавили! Мы уничтожили все их резервы… — Новая серия сильных взрывов прошла через стальные стены кренящегося из стороны в сторону танка. Взрывов настолько ужасных, настолько чудовищных, что сотрясения земли можно было почувствовать несмотря на мощные пружины подвески танка.

— А вот и их боеприпасы! Мы уничтожили все их запасы!

И тогда невероятное столпотворение воцарилось внутри служебного танка, спешащего

следом за ударными соединениями, и только тонкая линия танков резерва отделяла его от преследующих их, охваченных паникой механизированных частей противника.

— Пойте, птицы! — вопил голос. — Генерал сказал, что мы выиграли войну! Слава ударным частям! Мы пойдем дальше и уничтожим их линии коммуникаций, и пускай они гонятся за нами, пока бензин не кончится! А тогда мы вернемся и наконец разделаемся с ними! Наши танки сотрут их в порошок!

Коффи наконец удалось отыскать что-то, за что можно было держаться. Он встал на ноги. Капрал Уоллис, чудом избежавший верной смерти и переживший пытку грохотом, начал сильно страдать от морской болезни, вызванной раскачкой танка. Пленный в ужасе пополз прочь от него. Он мрачно взглянул на сержанта Коффи.

— Послушай-ка их, — горько обратился сержант к пленному. — Танки! Танки! Танки! Чёрт! Если бы они дали нам, пехотинцам, шанс…

— Ты сам это сказал, — свирепо прервал его пленный. — Про шиш с маслом.

Капрал Уоллис повернул к ним позеленевшее лицо.

— Пехоте всегда достается самая грязная работёнка, — просипел он, задыхаясь. — А теперь они… теперь они заставляют пехоту ездить в танках! Ох, чёрт!

Astounding Stories of Super-Science, January 1930

